
М
«Московские репортажеры, по жизни стажеры, – известные папуасы. Они азартно подражают америкозам и во весь экран дёргают обеими, обязательно обеими руками, будто стряхивают с пальцев серную кислоту. И по-ихнему же улыбисто прикидываются, что вляпались всеми своими вдохновенными ногтями не в кислоту, а в тазик с вареньем... Гм, можно завтра сказать это в эфире, да не дадут».

Зелёная искра пронизала рассвет, вздрогнула тёмная дверь-скрипучка. В ней стояла Алуся – в вуали.

Эту вуаль, одну на весь город, эту прозрачную диковину, чем-то похожую на защитное наглазное стекло хоккеиста, Алла надевала, чтоб молчаливо пугать у центрального моста никого не боящихся спесивых городских чинов, да ещё вытрезвительщиков, боящихся лишь тех чинов.

– Я всё-таки ухожу от тебя, Андрей, родной мой, – произнесла жена по обыкновению слегка надрывным тоном. – Ты не держишь слова. А этот человек держит.

Из-за её спины выглядывал чистый молодец несказанно шулерского вида, с усами будто бы аккуратно вклеенными в подносье.

– Матушка... Алуся... – Андрей загордился ладонью от зелёной искры, прошивающей мозг.

На движенье его руки жена вскинула свои ладошки и слаженно затрясла ими – вот именно по-сериальному:

– Ты тридцать лет не держишь слова! Мы ушли, прощай.

Оба исчезли, а в проёме распахнутого на крыльцо коридора взгукнула по дачной улочке бордовая машина.

Истерянный Андрей неловко встал с растерзанной дурным ночным сном лежанки, вышел за калитку, увидел соседа:

– Сергеич, тут машина сейчас проезжала? Супротивный Сергеич горевал над при-

болевшей помидориной:

– Скоко их... Была.

– Красная?

– Скоко ни возьми, все красные. Одни помидоры без красноты буреют.

Андрей вдруг поверил в происходящее и тотчас обрёл себя, сжался пружиной – словно микрофон вживую ему включили. Надо точно говорить, быстро реагировать.

Прыгнул обратно в дачу, схватил тысячную записку, сквозь чужие гряды выскочил на трассу и раскинул руки вперегород первому встречному авто. Авто попало самое то: камаз.

Шофёр, думавший обратное, на ходу ещё полез было за монтировкой, однако вовремя увидел на пальцах Андрея купюру, трепещущую, как мандат реввоенсовета. Впустил Андрея в кабину-бункер, глянул вопрошающе и готовно.

– Мчи за красной, она там где-то, догони.

Шофёр выдался молодой, ушастый, понятливый. Промчали поворот и увидели впереди действительно красную. Она бодро перебирала колёсами-лапками, но от мотивированного камазовца так просто не улизнёшь; улепётывающую машинку подтягивало, словно жука-живца на рыбной лесе.

– Кто там внутри? – подслеповато и жарко прищурился Андрей.

– Двое, – голос у водителя оказался азартным; видно, впрямь рыбак иль природный вышибала-догоняла. – Мужик с бабой...

– Прижимай! – Андрей простил сейчас даже «бабу», хотя никто его жену так называть никогда не смел.

Обошли, прижали, чуть в обочину не свалили. Андрей вылетел, яростно подскочил...

В испуганном жигулёнке, лупая измазанными косметическим дерьмом очами, сидела тётка – не Алуся.

Вернулся быстро, без извинений; по-

пробуй извинись, сразу вдогонку лай будет; с такими очами лают смертно.

– Гони в город.

– Нельзя грузовым по городу...

– Ничего, я с краю живу, – и сунул тысячку водиле в нагрудный карман.

Хорош край: три квартала взрыли шишицами, пять улиц продрали грохотливо.

– Не нужен мне такой Дакар чемпионский, – стал вдруг у тупиковой клумбы взопревший камазовец. – Вся твоя премия сейчас на штраф уйдёт, с моими правами впридачу. Или в участок обоих.

– Да не бойсь, я не отморозок...

– Ну и я не ошпаренный. Извини, дядя, мне надо скорей на объездную. Дуй дальше по дворам.

Двор в ста метрах, ничего, вот этаж, вот дверь. Позвонил, будто дрель вставил. Открыла Алла – без вуали уже, в платочке выходном кухонном. У неё именно так: платок выходной в кухню.

– Что с тобой, Андрюша, родной мой? Откуда ты... Ноги, ноги, половичок!

– Где он? – рывкнул Андрей, толкнул жену чугунными пальцами в щёку, отбросил, ворвался, готовя кулак для шулерка.

Но вместо того в коридоре стоял какой-то сапогастый, несмотря на половичок, и смотрел уверенно-радостно, будто пришёл в кино.

Андрей отбросил и его, ища за ним того, умело держащего слово. Однако из ванной выглянул второй, держащий потроха крана. И никого больше.

Тут наконец стало ясно, что микрофон никто и не думал включать, прямого эфира не предвиделось вовсе, напряг скандально ложен, Алуся на дачу не приезжала, а всё утро терпеливо руководила слесарями, чинящими водопровод.

Жена держала щеку, налившуюся гущей, и скромно светилась, словно синяк был медалью.

Утром увалистый Олег Чупров вошёл в кабинет и увидел Андрея Жихарского привычно сумрачным, однако непривычно сумеречного цвета.

– Ну что ты думаешь над своей головой? – ободрил он старшего приятеля одной из тёплых ломаных фраз, подслушанных в народе и подхваченных, сделавшихся кодовыми.

– Да то, что как ни мучилась, а всё же таки померла, – в тон ответил Жиха, поднимая гривасто-одуванчиковый затылок.

– Гонит меня Пепло, теперь не один ты в испепелённых позорниках.

– Ладно; тоже ещё нашёлся птиц-феникс; слабоват ты, дядя, супротив меня, лучше быстрее рассказывай.

Олег вполуха выслушал Андрея, хмыкнул и не поверил. Жиха показал листок:

– Вот заявление об уходе написал, сейчас отнесу.

Теперь Олег понял, что дело всерьёз.

– Да он уже отмяк, небось. И что он мэру скажет?

– Он, по-моему, мэру что-то про меня накапал, а тот шибко повёлся, – друзья легко общались на уличном жаргоне, также могли на профессорском наречии, на чиновническом, детсадовском; это была их словесная гимнастика, рабочий тренинг. – Без того разве посмел бы о заявлении сказать...

– Ну ты подожди, не неси, не пори горячку. Мне вон раз пять уйти хотелось и почти предлагалось.

– Я не ты. Ты ловкий счастливец, с тебя всегда и как с гуся вода, и взятки гладки; а от меня он немедленного униженного поклона ждёт. А я никогда никому не кланялся, тем более этому облезлому древопитеку.

Олег на слова о ловком гусе усмехнулся одними глазами, но ответил серьёзно, трезво и без раздумья:

– Тогда я сейчас тоже заяву на уход на-малуюю. Вместе понесём.

И тут же взял ручку, склонился над бумагой.

Выцветшие зрачки Жихи расширились, взялись молодой синевой. Он встал, с какой-то незаметной самому себе торжественностью подошёл, положил рубленую ладонь другу на плечо:

– Ладно, погоди. У кого из нас горячка? Не хотел я... Но есть верный ход и лишь ты его можешь сделать.

Чупров глянул вопросительно. Отношения и ходы у них только честные. Но с честностью к Пепелову даже не подступайся, это против природы.

– Позвони пепельской жене. Он её боится пуще мэра. А она тебя боготворит... Я знаю.

Жена гендиректора являлась в жизнь Чупрова несвязными эпизодами. Примерно раз в месяц звонила какая-то Лидия Петровна, представлялась почитательницей Олега и благодарила за передачу. Благодарности те были пустячны, нудноваты: «Спасибо за интонацию, спасибо за слог, спасибо за искренность».

Олег тут же забывал разговор, имя-отчество и следующий звонок воспринимал вновь как из ниоткуда, отвечал с доблестным терпением, обыденно, нейтрально-вежливо.

«Однако ты хам, Олежка, – как-то сказал всё слышавший Андрей. – Другой из таких дарёных спасибо, как из литых кирпичиков, дачу отгрохал бы. Дачу судьбы, кхе-кхе!»

Олег включился лишь после пятого-шестого звонка, да и то в ситуации достаточно любопытной. Однажды вошёл Пепелов, с гримасой – кажется, то была гримаса смущения – бросил Чупрову на стол бирюзовый конверт, вовсе не почтовый. Засим, ни слова не говоря, мрачно махнул ручонкой и тут же убрался.

В конверте лежало письмо от какой-то Лидии Петровны. «Тьфу, олух царя небесного! – взорал Андрей, едва Олег недоумённо прочёл вслух эту подпись. – Не какая-то она, а самая заглавная! Это пепельская жена, она тебя звонками уже полгода потчует!».

Действительно, черед повторяющихся спасибо в каждой строке напомнила Олегу те звонки и даже сдержанный ровный голос – на голоса память у него была почти нормальная. Олег повертел духовитое письмо, куда-то сунул, и оно навсегда затерялось в столе.

Чупров и не пытался представить эту Лидию, она должна полностью походить на Пепелова с его дряблыми ушами и гнусеньким носом-пупырькой. Ну, или на манерную чопорную Алусю, отвращения к которой Олег не скрывал даже от Андрея Жихарского.

Алуся всё же почитала Олега; видно, потому, что он всегда знал, где прячется её беспутный Жиха.

Сейчас Олег непонимающе смотрел на Андрея, ожидая пояснений. Вместо того тот пульнул новой загадкой:

– Ты почему не любишь моей жены?

– Помилуй, брателла, хватит того, что ты её якобы любишь... Ты о пепельской супруге что-то хотел сказать.

– То хотел, что и Алуся хочет. Она говорит, моё спасение только в тебе да в ней, этой Петровне. Позвони, она добрая, хоть и с закидухами. Она тебе обрадуется.

– А где я телефон возьму?

– Да на, вот её номер мобильный, я в приёмной давно по-тихому выпросил; буд-то чуял, что скоро надобна станет.

– Хм... – задумчиво сказал Олег.

Он ненавидел телефоны. То был ещё один из его бессчётных пунктиков, или, как выражался Андрей, закидух.

– И что я ей скажу?

– Скажи, что её давно стухший Пепел безвинно гонит твоего друга, а с ним уйдёшь и ты и оставишь её без твоих наркотических передачек.

– Шантажист записной, – хмуро хмыкнул Олег, нехотя считывая с бумажки и набирая номер. – Такое сулят лишь бандиты на стрелке.

А в трубку мягко сказал:

– Здравствуйте, Лидия Петровна. Предлагаем трёхминутную радиопередачу Олега Чупрова. Специально и только для вас... Что? Хорошо, не смею возражать.

Отодвинул телефон, вновь хмуро посмотрел на Жиху.

– Чего? – спросил Жиха и волосы у него на голове сами собой взъерошились. – Даже слушать не стала? Не может такого быть!

– Может. Лучше, говорит, через час в нашем любимом кафе. То есть в нашем с тобой.

– Так чудненько ж! – жарко подпрыгнул всерьёз было перетрусивший Андрей.

– Она и кафе наше знает... Вот во что ты меня втягиваешь, – раздумчиво прикидывался Олег, а закончил грозно: – В общем, не финти, старший товарищ, пойдём туда немедленно, за час ты доведёшь меня до нулевой отметки, плюс двести плюса. А потом линяй, видеть тебя не хочу, интриган.

Кафе уселось на лучшем месте города и, конечно, имело прозвище Жихарка. Его владелица столь походила на мужика, что обожала хоккей и считала Олега с Андреем актёрами, удалёнными с театральной площадки до конца игры.

Она не давала кафе под властный разор уже двадцать лет, что само по себе было подвигом. Протестно ложилась на кафешную клумбу, выставляла в окно транспарант, и отстояла-таки перед загребущими городскими администраторами свою кровную, даром доставшуюся в начале девяностых забегаловку.

Андрей запретил Олегу выдавать, что они радиожурналисты, иначе владелица давно спалила бы их жалостными просьбами да исповедами. А так и без того нашлись у неё защитники; они были старательно возвращены ею там, где лучше и не придумать: в городской думе.

Жихарка вмещала уйму деревянных столов, днём пустующих, похожих на маленькие спящие стадионы. Оттого днём тут было тихо, уютно; и несколько лет сюда входила с улицы серая собачка-бродяжка, становящаяся на задние лапы и передними изображавшая меланхоличное музицирование на пиано.

Собачку не гнали, угощали, и за это Жиха прощал владелице всё её мужеподобие. Да к тому же обе буфетчицы работали под её началом давным-давно, что тоже говорило в пользу хозяйки, пусть проходистой, зато сердобольной.

Андрей с Олегом как по писаному сыграли перед улыбчивой белобрысой буфетчицей Валеи три стограммовых прелюдии, добрались до желанного плюса, и Жиха удалился, подняв занавес для основного действия.

Минут через пять из-под этого чуть плывущего занавеса явилась дама, уверенно села рядом с Олегом. Причём, это была не дама, а обычная девчонка; правда, весьма ухоженная. В одежке и причёске продуманный беспорядок, прямо Клава Шиффер к уличной прогулке.

– Вы слишком молоды для Пепелова, – как-то даже разочарованно буркнул Чупров на её приветствие.

– Всего лишь на десять лет моложе его, – просто сказала девчонка. – И на те же десять старше вас, Олег Иванович.

– Вы слишком красивы для Пепелова, – уточнил свою претензию Чупров.

Он вредничал, поскольку смущался; смущался, поскольку не ждал такого изящества.

– Считайте это браком по расчёту, – лицо начальнической жены тронула летучая улыбка.

– Вы будете сейчас мною командовать? – гнул своё Олег. – Или выпьете?

Она без жеманства выпила припасённую ей коньячную стопочку и спросила о деле. Быстро всё поняв, вынула телефон, обыденно сказала в него:

– Тебе надо бы сейчас извиниться перед Андреем Степановичем.

Ещё через стопку Олегу позвонил Жиха, сказавший, что минуту назад приходил смиренный Пепел, с мирным словом.

– Спасибо, – теперь уже по-настоящему уважительно взглянул Олег на девчонку-даму. – Чем вас отблагодарить?

– Расскажите, почему вы всяческие пустяки считаете главными ценностями жизни, – серьёзно произнесла эта Лидия Петровна. – Почему делаете передачи о разных там сдвинутых на природе чудаках, а не о столь любимом всеми чиновничьем воровстве.

– О чинушных ворах рассуждают воры несостоявшиеся, врождённые мелкие завистники.

– Да все рассуждают!

– Вот все и завидуют. Что по судьбе не довелось им вот так же украсть.

– А вы, значит, не завидуете.

– Я завидую моим чудакам. Потому о них и говорю назло пепеловым.

У неё были тёплые глаза, спокойные движения.

– Я не Пепелова, – сказала она. – У меня другая фамилия и другой мир.

– Я отлично понял. Вы настолько другая, что даже хочется вас поцеловать.

Она смотрела так же, никаких конвульсий. Конечно, мужику с таким хорошим плюсом невинная секундная дерзость вполне простительна.

– Жаль, ваши губы в помаде. Как окра-

шенная скамейка: смотреть приятно, а использовать по назначению нельзя.

Тут уже натуральное его хамство; однако Лидия взяла салфетку, тщательно отёрла губы и сама прикоснулась ими к нему, пьяному.

– Теперь расскажите, почему до сих пор не женитесь. Я всё о вас знаю.

Он откинулся, отодвинулся от стола, словно теннисист, перешедший на игру с дальней позиции.

– Знаете... А знаете, что такое звериная любовь? Ну, её ещё называют звериной опекой. Сейчас против неё учиняют ювенальное правосудие и значит натворят беды... Но в моём случае оно было бы спасением. Мать любила меня именно звериной любовью. Поэтому я ненавижу любовь в любом её проявлении.

Лидия отложила салфетку, помолчала, глядя всё так же, всё так же спокойно и прямо в глаза; и это нисколько не напрягало.

– Если вам тяжело, Олег Иванович, не продолжайте. Но мне кажется, вы светлейший человек. Вы ведь понимаете, что иначе я бы вам не доверилась.

Он допил свою солидно плюсовую водку, попробовал застегнуть пуговку на груди и не смог. Лидия Петровна протянула холёные руки и застегнула ему рубашку.

– Не надо, это интим, – заторможенно воспротивился он.

Лидия расхохоталась. Смех взрывной и странно счастливый. Словно после долгих ласк.

Простились они хорошо. Лидия проводила Олега к остановке, приказала ехать домой и нынче ни о какой работе не помышлять. Взяла с него слово иногда гулять с ней по городу.

Пятак знобило от упорного холодного рытья. Желудей под снегом почти нет, а коренья в мёрзлой земле тверды, как трак-

торный трос, однажды сломавший секачу лучший клык.

Откуда-то дивно тянуло зернистым едином. Кабан-одинец вышел из чащи на видное и тут же замер. На взгорке-отвершке метрах в двухстах стояла не таясь кучка охотников. Старым мутным глазом секач безошибочно отличил среди них главаря.

Вожаки у людей странные. Они обычно хилые либо рыхлые, и всегда беспомощные. Однако вокруг них всегда тихий топот и подобострастие. И сейчас возле морщинного горбоватого деда кружились два подтянутых егеря и два сподвижника-холуя. Дальше у машин стояли женщина и местный начальник. Обоих секач видел ещё летом, бродя у дорог.

Если бы у кабана случились такие мозги, как у этого мелкого начальника, то бишь Тухнёва, то он бы узнал в главаре мэра, в холуях – нынешнего владельца леса Снегина и городского чинушу Манохина, а в женщине почтальоншу Нину.

А если бы у секача мозги были ещё круче, например как у давно им уважаемого фермера Василича, никогда не гуляющего по лесу с ружьём, то он бы, наверное, понял, о чём мелкий вонючка Тухнёв говорит Нине.

А тот бубнил, что она может нынче стать начальницей всей районной почты, только чтоб вела себя умно. Нина странно для неё молчала, шла густой краснотой, невидимой, конечно, секачу на таком долгом расстоянии.

Не разбирал он, о чём шёптываются медленно поднимающие ружья охотники, и даже не понял, что то не ружья, а дальнобойные карабины «Максим». Секач стоял, он верил в безопасность дистанции, притом знал, что старики с их дрожащими руками стреляют дурно.

И правда, когда грянули выстрелы – сухие щелчки, две пули сбили над ним иней,

досадливо впились в дубовую кору. Но другие две, выпущенные подручными следом за своим обожаемым главарём, вошли в секача. Одна зажгла болью заднюю лапу, ударила поверх пазанка, в самый окорок; вторая того хуже, взодрала весь бок.

Снег и лес на секунду стали огневыми. Потом кабан кинул вразмах, чуя погоню смерти. Он ломил кусты и снег, шёл вглубь, невидяще; сзади тьякала охотничья собака, азартная и испуганная.

Кровь красила след, толкалась в кабаньи виски; и виски эти, так же, как обычно и человечьи, охладила испарина, холодная, ледяная – и вдруг, рывком, жаркая, душащая.

Всё живое одинаково чувствует всплеск собственной крови, её отток и утекновенье. И боль у всех одинакова. И смертный страх у всех первосоздан.

Секач уж полчаса шёл галопом, припадая на раненую ногу; где-то порёвывал и умолк вездеход, смолкла и собака. А кабан ломил и ломил, его качало, землю вертело кругами, но хода секач не сбавлял.

Потом пришла тишина, обманная: в любой миг в загривок могла войти пуля. Несколько раз свин своим заросшим звериным умком чуял, что падает – но не падал, потому как упасть значило умереть.

Вместо того он стал бессознательно забирать вправо и вдруг вышел на кровавой след и понял, что след его, что он сделал необходимый круг; и так же, как миллионы его кабанячьих предков, должен тут залечь и напасть на тех, кто гонит за ним.

Весь зарывшись в снег, секач лежал под одиноким кустом. Солнце падало за горизонт, оно оказалось слабей кабана; однако он не понимал, что это солнце, он думал, что это жгучая пуля или блеск карабинного прицела, или взгляд врага.

Стемнело, силы оставили зверя-дикаря; он пожалел, что враг ушёл; и не повезёт его напоследок ударить.

Здесь услышался торопливый хруст снега, увиделся тёмный силуэт. Кабан рванул из засады, ткнул человека рылом – и облегчённо пал.

Человеком был Олег.

Олег с торопливым усилием встал, шагнул вслед испуганно выбежавшей Лидии, выглянул за косяк. Все смотрели назад, в сторону Акульшиной балки.

Из-за горизонта на неё шла полоса пламени. Ветер рвал языки, страшные даже издали.

– Вот и пришёл к нам половецкий пал, – сказала Нина оборвавшимся голосом.

Лидия, не понявшая опасности, с удивлением глянула на шибко умную сельянку.

Внизу высунулась из хлипкой колеи вереница ярких пожарных машин, неестественных среди этого пыльного бездорожья. Ветер словно гнал их, как пустые пластиковые катышки; гнал к броду, где распадок кончался и был песчаный переезд на тот берег.

У самой почти воды машины стали, потому что их обогнал начальственный пикап, из которого выскочил кто-то резкий и воинственный.

– Власть моя, смерть моя, – заполошно сказал Тухнёв. – Мне надо туда, встретить...

Позабыв про Лидию и всех других, сел в джип и спешно поехал по краю, не боясь колдобин, бросающих вбок.

Тем временем у брода явно завязалась схватка, сцепка, затем один начальник толкнул другого, выдернул из передней пожарки шофёра, влез на его место и развернул красную машиницу по взгорку, к Пчёлке, к ближнему дому бабушек, скромно сидевшему почти на исходе распадка.

Остальные четыре пожарки осторожно поехали вброд на тот берег. Ветер, африкански горячий, вновь секанул по ним, по траве, по всему свету.

– Дурни так называемые! – дыряво завопил Василич в пустой воздух. – Сгорите в своём лесочке, разве ж вашим ведёрком его от этой страсти спасёшь!

Затем Василич обернулся на зарево, от которого за три километра уже слышался треск и злобный гул, тоскливо кинул взгляд вверх распадка, на своё бесшабашное подворье, обречённое, как и Викулин дом, как всё здесь.

– Закройтесь все в копанке! – крикнул Так Называемый и сиганул в глубину, споткнулся, покатился к ручью.

Но не ручей был ему нужен. В два шага переплеснулся он через ленивый илистый поток, в секунды вскарабкался на противоположный склон, где на четвереньках, где клюнув носом в сухую путань травы.

Финишно упал наверху возле Прусикова рва, над которым начиналась плотная череда Можарских лесов-перелесков, и под которым ниточкой шла якобы защитная пахотная бороздка в четыре лемеха, то есть в полтора несчастных, ни от чего не спасающих метра.

Василич однако всё на тех же многострадальных своих четвереньках-карачках поскакал вдоль этой чёрно-серой бороздки – и после него оставался след мерцающих огоньков. Огни медленно, но верно поползли от бороздки вниз, соединяясь и ширясь.

– Что он делает? – уже надтреснуто, уже в страхе от всего происходящего крикнула Лидия.

– Встречный пал пускает, – взбудораженно ответил Викуля. – Да вряд ли получится против такого ветра, сгорит же, чёртушка! А может, и успеет...

Викуля оглянулся назад и в ужасе оборвал себя, заорал:

– Уже Акульшину жгёт! Лезьте к Олегу в копань!

– Нет! – ещё страшней заорал от косяка Олег. – Тут испечётся, как яйцо в песке.

Хватай их, Викуля, и в ручей! Быстро, через пару минут здесь всё пыхнет!

– А ты?

– У меня тут в полу сырая ямочка под картошку, умещусь.

Викуля схватил обеих женщин за локти и потащил вниз по рытым ступенькам, на ходу уча:

– Нырять и лежим на дне плашмя, пока чуть не задохнемся. Если высунетесь над водой, в секунду спалит.

Чупров смотрел им вслед, и ещё вдаль на Василича, который всё копошился с огнями, всё перебегал по тому склону с места на место с пучком горящей травы, всё поджигал и гнал свой низенький, но спасительный огонь ближе к ручью, делая защитную полосу всё шире, уже почти в полсклона.

Вдруг на руки Чупрову прыгнул кто-то дрожащий и мятый. Это был заяц, и лапки у него почти дымились.

– Профессор, дружок... – выдохнул Олег.

Сзади ударил поток нестерпимого, как из топки, воздуха. Олег захлопнул изнутри дверь, надел крюк, лёг вместе с зайчишкой в угловую картошечью копаночку, и впрямь чуть прохладную.

Наверху сатанински завывало.

Двойное квадратное стёклышко в скапте, которое Олег забыл заранее привалить крышкой сверху, взялось будто газосваркой, лопнуло – и вмиг весь воздух землянки высосал адский жар.

Зайчишка забился о грудь Олега, конвульсивно-жалко раскрыл зубастенькую пастьку.

Однако уже через минуту вой огня и ветра сбросило в сторону ручья. Олег вскопчил, скинул с двери крюк.

В полусотне метров жутко горела изба Викули, огромный ком мечущегося пламени. Олег не смотрел туда, он жадно искал взглядом своих. И никак не находил, поскольку над ручьём колыхалась и пучилась огневая каша...